

ВИКТОРУ КОЗЛОВУ — 80!

28 сентября 2014 года нашему самому старшему финнисту Виктору Александровичу Козлову исполняется 80 лет. Не смотря на то, что Виктор Александрович не имеет медалей Олимпийских игр и чемпионатов мира, Европы, его вклад в развитие класса «Финн» в России, СССР сложно переоценить — Виктор Козлов дважды становился победителем чемпионата СССР, входил в сборную СССР, в 1966 году он занял 6-е место на чемпионате мира в классе «Финн», на нем росли другие знаменитые спортсмены, которые впоследствии принесли олимпийские медали нашей стране — Валентин Манкин, Виктор Потапов, Андрей Балашов. В 2007-м году Виктор Александрович снова вернулся в класс «Финн», но уже в категории «Мастерс» и, не смотря на возраст, продолжает участвовать в соревнованиях. Более того — в 2008 и 2010 годах он привез для России серебряные медали чемпионата мира Финн-Мастерс (разряд «Легенда»).

Но Виктор Александрович примечателен не только своими спортивными результатами, но и в целом интересен как замечательный эрудированный человек. Его жизненный опыт, знания, интеллигентное поведение на воде являются очень хорошим подспорьем в воспитании молодых и более взрослых гонщиков.

Мы поздравляем Виктора Александровича с юбилеем, желаем как можно дольше оставаться с нами на воде, а вашему вниманию представляем очерк-интервью с Виктором Александровичем о его биографии и примечательных моментах в его парусной жизни.

Годы детства Виктора Александровича пришлось на военные и послевоенные годы, когда наш спорт трудно и упорно, с вдохновением и азартом необыкновенной силы взбирался к высотам мастерства.

В своем рассказе, как вы увидите, Виктор Александрович выходит за рамки воспоминаний, не удерживаясь от того, чтобы пропеть подлинный гимн парусному спорту. Но не будем же мы укорачивать его рассказ в угоду заранее заданным схемам. Тем более что разговор, который ведет Козлов, на наш взгляд, по-настоящему интересен. Судите сами.

ВИКТОР КОЗЛОВ:
«И ПАРУСА — КАК КРЫЛЬЯ ПТИЦЫ»
(Записала Нина ШКОЛЬНИКОВА)

У РАЗГУЛЯЯ

Убежден: все большое, по-настоящему ценное рождается в больших муках. Вот у меня было очень тяжелое детство. Настолько тяжелое, что я даже

не помню — во время войны и в первые послевоенные годы ел я что-нибудь или не ел. Бомбежки, тревоги помню, а еду нет. Помню, как меня обстреливал на бреющем полете немецкий самолет: пули ложились в метре от меня, а я бегал с криком «Ура!».

Моя мама, кондуктор трамвая, умерла в 1944 году. Отец служил в противовоздушных войсках. Младшая сестренка — в детском доме. И я дома был практически один. Беспризорным, по сути.

Жили мы в Москве, на улице Карла Маркса, ныне Старой Басманной, у Разгуляя.

На что существовали? Совершенно выветрилось из памяти. Вспоминаю лишь, как собирал сломанные стульчики, дощечки разные, ходил на рынок, продавал их на дрова, на эти деньги покупал картошку. Крапиву ел. Да что придется. Иногда к отцу ходил — он в Москве служил — в воинскую часть. Солдаты сердечно принимали меня, подкармливали немного.

И в нашем дворе, и в соседних было немало дворовых мальчишеских компаний. Сказать озорных — значит, ничего не сказать. Пили, курили, воровали. Об этом тогда не больно-то говорили или писали. Но так было. И я, конечно, не мог такой компании миновать. Близко знал многих ребят, общался с ними регулярно. Но вот что интересно: хорошо ко мне относясь, в свои дела они меня не втягивали, от всех их хулиганских поступков я всегда был в стороне. Я много раз задумывался: почему так происходило? И точного ответа не находил. Все-таки какой-то чужой был я им всем. Попробовал один раз с мальчишками курить — у меня сразу возникло к этому занятию стойкое отвращение. Выпить тоже пробовал — тот же

результат. В драках никогда не участвовал. С другой стороны, мог за себя постоять — по наследству наделен был хорошей физической силой. За что уважали. И не подводил я никогда никого, не осуждал. Но с какой стороны ни подойди — не их я поля ягода. И это чувствовалось.

ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ ФИЗКУЛЬТУРНЫЙ ПАРАД

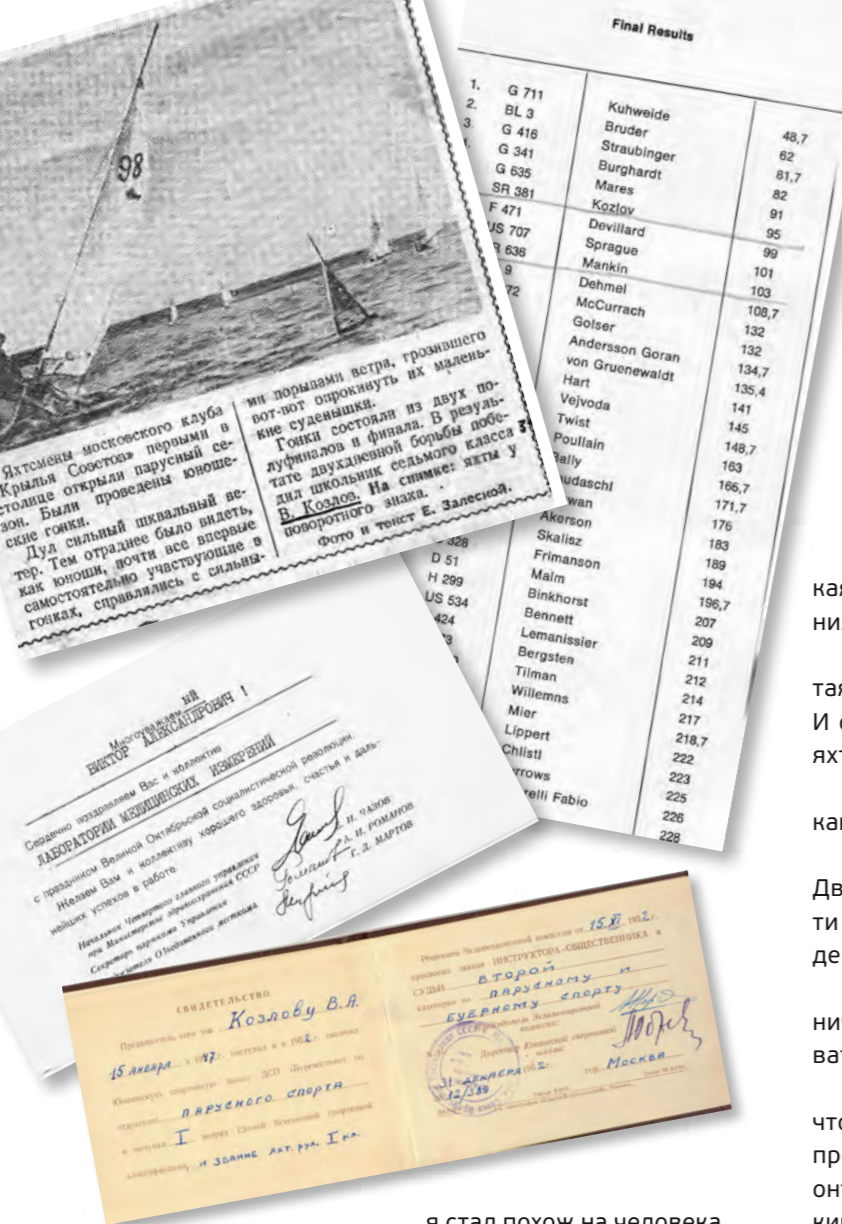
Самое главное в воспитании, как я теперь считаю, — это пример для подражания. Личный пример.

Мне в этом отношении везло. Году в 1946-м в спортзале «Строитель», что был неподалеку от нашего дома, открылся гимнастический зал. Я стал заниматься гимнастикой.

И там вскоре проводился набор для подготовки к первому физкультурному параду. Я, конечно же, записался.

Вся эта подготовка длилась месяца два. Представьте себе, первые послевоенные годы, разруха, полуголодное существование большинства, а нас кормили за эти два месяца на убой: красная икра, рыба, сливочное масло — каких только не было экзотических для нас тогда яств. И все это просто лежало на столах: бери, сколько хочешь.

Нас откармливали, наверное, затем, чтобы мы на параде выглядели хорошо. Рекомендовали даже тело мазать сливочным маслом, чтобы быстрее загорало. Очень уж устроителям хотелось, чтоб не какие-то дистрофики вышли на парад, а красивые, упитанные молодые люди. У меня сохранилась фотография, где я до парада — спичка спичкой, а потом

Вот такое у меня было окружение: то парад физкультурников на стадионе «Динамо», то фото в газете нашей агитбригады, то бассейн... Словом, спорт открывал новые горизонты...

С той поры всю жизнь стало хронически не хватать времени! И что характерно: в первых классах я учился плохо, а в 7-м у меня уже были только четверки и пятёрки.

КЛУБ ИМЕНИ БАРАНОВА

Как я попал в парусный спорт?

В самом этом первом шаге к делу жизни есть некая противоречивость, препятствие, без преодоления которого и не было бы ничего.

У нас в школе, как водилось, была пионервожатая. Она немного занималась парусным спортом. И однажды вывесила объявление: желающие стать яхтсменами могут прийти туда-то и тогда-то.

Я посмотрел на это объявление и не испытал никаких эмоций. Не среагировал.

Но мне так хорошо запомнился следующий день. Два моих друга по классу говорят: «Мы хотим пойти в парусный клуб заниматься, пойдем с нами, пойдем же...»

А у меня такое было настроение, что не хотелось ничего делать, никуда идти. Они принялись уговаривать. Я скрепя сердце согласился.

Приезжаем мы в парусный клуб имени Баранова, что на Дзержинке, и там встречает нас, мальчишек, представитель спорткомитета Павел Антонович Леонтьев, известный в прошлом конькобежец. Он с таким азартом, так увлеченно стал рассказывать о парусном спорте. И не только о спорте. О знаменитых плаваниях, военно-морских силах прошлого, о парусах и ветрах. И столько было в его рассказе патристического порыва, столько интересных исторических фактов, людских судеб, что захватило всю мою душу без остатка.

И заряда этого, увлеченности на всю жизнь хватило. друзья мои, с которыми вместе пришли в клуб Баранова, уже через 5–10 лет оставили занятия парусным спортом, а я по сию пору...

Стал я ходить в клуб. Зимой изучали теорию, а летом — простор Клязьминского водохранилища. Клуб Баранова располагался в самой красивой гавани.

Первый, кого мы встретили на берегу, был наш будущий олимпийский чемпион Тимир Пинегин. Помню, мы, совсем еще мальчишки, ползаем по песку, а он теплым весенним днем готовит нам лодку — мажет ее «кузбассом», черной такой мастикой. Мы поначалу ничего делать не умели. Так и запомнился Пинегин — добротой своей, мягкостью.

Моим командиром на яхте, когда я стал плавать матросом, был Михаил Бруни. Везло мне на людей! Этот Бруни был как-то причастен к роду Пушкина. Мне даже казалось, что и лицо его чем-то напоминало великого поэта — смуглостью, отдельными чертами.

Михаил учился в институте физкультуры и был мастером спорта и разрядником по многим видам спорта: лыжам, плаванию, гимнастике, фехтованию... Уникальный был человек, мастер на все руки, какой столяр замечательный.

Я приезжаю на базу, голодный, — он всегда наварит овсянки или гречневой каши, наложит мне полную тарелку. Ешь, сколько хочешь.

ПРЕПЯТСТВИЯ ПЕРВОГО ШАГА

Уже году в 50-м организовалась при клубе детско-юношеская спортивная школа «Крылья Советов», где тренером был Дмитрий Леонидович Зворыкин. Еще одна знаменитость. Родственник того замечательного изобретателя Зворыкина, что жил в США. Семья их отличалась исключительной интеллигентностью, душевностью, бескорыстием. Они все стремились отдавать другим, нам, детям, в первую очередь.

Все, чем владел Дмитрий Леонидович, было наше. Он приглашал к себе домой, поил, кормил, был открыт, прост, понять мог любого, заботился о каждом.

Постепенно плавание я бросил. Не говоря уж о гимнастике. Весь отдался парусу. Вода стала для меня как бы родной стихией.

Хотя, помню, был такой эпизод. Сразу после войны, через год где-то, мы пошли с отцом летом на Измайловские пруды покататься на гребной лодке. Никогда не забуду, какой страх охватил меня, когда потребовалось ступить в шаткую лодку. И от воды, и от самого судна. Отец еле меня дозволил. Я сидел на корме зажатым весь, боясь сделать лишнее движение.

Так у меня всегда было. Вокруг первого шага — немыслимые препятствия, экстремальные условия. Помню свой первый выход на яхте. И плавать-то я еще толком не умел. А по обстоятельствам пришлось мне лезть на мачту и исправлять какую-то поломку. Яхту стало раскачивать, и из-за меня, собственно, она перевернулась, я же успел веревкой себя на мачте прихватить, чтоб не свалиться.

Так и рухнул в воду. Мачта пошла ко дну, чтобы стать вертикально. Вижу: где-то там сверху поверхность воды. Как не запаниковать? Но я очень спокойно сумел распутать веревку, выбрался на поверхность и вот тут-то стал захлебываться и тонуть. Ну, меня вытащили, конечно.

Всякое начало — это прежде всего преодоление трудностей. Одних они отталкивают, пугают, другие, напротив, упорнее стремятся к познанию.

В связи с этим вспоминается один эпизод. Как-то много позже уже я, прекрасно освоившись к тому времени с водой, переплывал Клязьминское водохранилище. Зазевался что-то и хлебнул воды. да так неудачно, что она попала в гортань. Нередко в таких случаях человек тонет.

Но я среагировал молниеносно. Встал в воде вертикально вниз головой и почувствовал, что вода из гортани уходит. И никакого страха не испытал! Постоял вниз головой, вода вышла, я быстро выскочил на поверхность, схватил воздуха и поплы дальше.

Собственно, страха воды у меня никогда не было. Иначе я не смог бы по 4–5 часов плавать в бассейне. На меня даже одно время возлагали надежды как на перспективного спортсмена, не зная, впрочем, что я буду такой коренастый, плотно сбитый. Неподходящая фигура для пловца.

Все же интересно отметить, что когда я начал плавать и первое время тренировался без постоянных тренеров, по сути, то у меня выработался свой стиль, обеспечивающий хорошую опору о воду. Потому-то и обращали на меня внимание Мешков и другие, потому-то и росли результаты.

Но потом появился тренер и начал меня переучивать — локти не так, руки не так. Мой стиль был сломан, и результаты поползли вниз...

А сейчас, спустя десятилетия, когда я смотрю на классных пловцов — да они плавают тем же стилем, что я когда-то!

Нечто подобное произошло у меня с горными лыжами. Я занимался ими самостоятельно. Помню, встретил как-то на Ленинских горах Пинегина. И с самого верха горы спустился за ним со всеми по-

воротами и кручами хоть бы что. Умел я проходить горнолыжные трассы, управлять скоростью, мог притормозить, мог убыстриться.

Но вот поступил в университет, пошел в горнолыжную секцию, попал к тренерам. И повторилась старая история: «Кто ж так катается! Ты сидишь, как на горшке, опираешься на пятки, словно на конь». Прошли десятилетия, и посмотрите, как знаменитые чемпионы катаются: тем же стилем, что и я когда-то! Кто ниже садится, тот и выигрывает. Сильные ноги, большой размах. А меня заставляли переучиваться и сломали стиль. Я даже забросил с тех пор горные лыжи. да, наши тренеры тогда сильно еще отставали. Война же была. Даже любимый нами Зворыкин не столько тренер был, сколько воспитатель. И вы знаете, прошло почти три десятилетия с той далекой поры, а мы, группа его воспитанников, каждый год на день рождения Дмитрия Леонидовича встречаемся, отмечаем этот праздник. Это, наверное, редчайший случай в спорте. Мы ведем журнал, где расписываемся, кто присутствовал. Все мы благодарны нашему наставнику за все доброе, что он для нас сделал.

КОРОЛЕВСКИЙ СПОРТ

Все, конечно, хвалят свой вид спорта. Но парус, правда, совсем особенный.

Если перечислить все мировые знаменитости — королей, президентов и так далее, — многие занимались парусным спортом и нередко достигали больших результатов.

С другой стороны, все олимпийские чемпионы в парусе и вне спорта добивались немало. По деловым качествам, по культурному уровню они превышают многих. А дело все в том, что парусный спорт охватывает практически все сферы деятельности че-

ловека. Много нужно знать и уметь, чтобы быть хорошим яхтсменом.

Во-первых, материальная часть лодки, все ее технические свойства, обводы, ходовые качества — во все это нужно вникнуть. Особенно это было ак-

туальным для наших спортсменов, которые вынуждены были сами строить лодки на верфях. И знать хорошо столярное дело для них было жизненно необходимо.

Во-вторых, паруса. Это же сложнейшее устройство. Сложнее, чем крыло самолета. Оно же нежесткое. Парус ближе к крылу птицы. Чувствовать форму крыла, уметь управлять им — для этого нужно иметь богатое воображение. А ветер! Его кожей воспринимать нужно. Ведь он то утихнет, то взыграет, то стойкий, то порывистый, то справа, то слева, то в лоб...

Казалось бы, парус уже задан определенного размера, что тут выдумашь? Но для классных спортсменов каждый парус неповторим. Мы такие различаем в нем тонкости! Говорим: этот для большой волны, этот для средней... Все это воспитывается годами.

В-третьих, в парусном спорте не будет успеха без хорошей физической подготовки. Там же тяжелые статические напряжения, которые подчас труднее динамических. Это когда сильный ветер. А если он слабый или вообще его нет — какое нужно внимание и выдержка! Часами весь напряжен — поймать бы ветерок.

Потом — сама природа. Атмосферное давление, облака, направление ветров, осадки, перемены погоды — все это надо учитывать. И лишь с опытом можешь определять все вариации и адекватно на них реагировать.

В конечном счете есть в парусном спорте что-то и от шахмат: умение рассчитывать ходы. Когда на дистанции идет лавировка, все яхты разбредаются в разные стороны. Ход — влево, вправо, шаг такой-то длины. Парусные шахматы.

И все, все твои знания, умения и чувства, как-то сливаясь, автоматически перерабатываются. И ты делаешь ход, удачный, неудачный.

НЕ ОТ УМА, А ОТ СТРАСТИ

Чего не надо бояться, так это ошибок. Потому что, если бы не было ошибок, не было бы и прогресса.

Сколько у меня было горьких, обидных поражений, которые анализировались неустанно: что, как, почему? Итоги потихонечку копились в опыт.

Поначалу как у меня бывало. Стоило только прозвучать стартовому сигналу, я тут же отключался, словно бы ничего не видел и не соображал. Эмоции подавляли меня. Я просто не выдерживал переживаний. Оттого и результаты были плохие в то время. А впоследствии друзья говорили обо мне как о самом хладнокровном и выдержанном спортсмене.

И хорошо, что свои первые гонки я провел матросом. Как это нужно: научиться работать, работать на первом парусе, почувствовать его, правильно ставить к ветру.

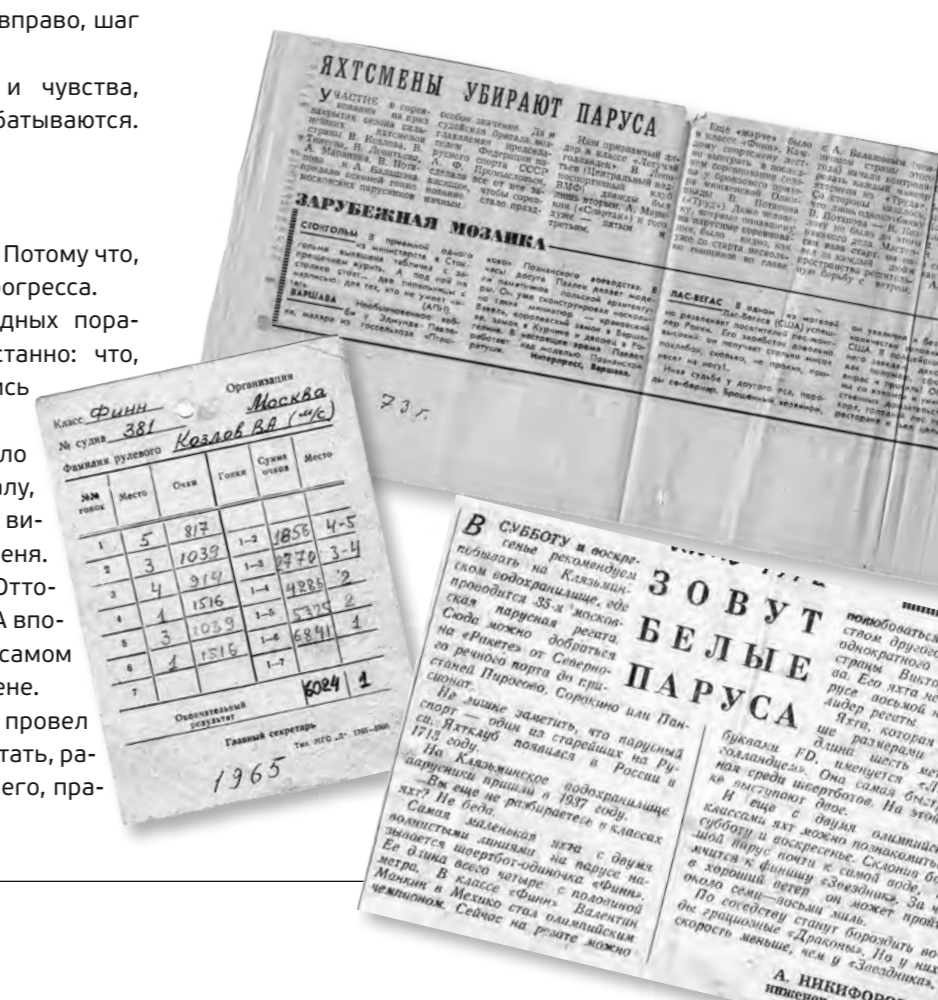

Многие тренеры считают — и я с ними согласен, — что без хорошей предварительной подготовки на водных просторах матросом не может быть хорошего яхтсмена. Подобрать парус, потравить — это матрос должен уметь правильно делать сам, без команды рулевого реагировать на все изменения условий.

И тем не менее в парусе все идет не от ума, а от страсти. По крайней мере я так ощущаю.

Приезжаешь на базу — все в душе кипит, горит, ты уже не думаешь о результатах, тебя захватывает сам процесс. Вот сел на яхту. Ни шума, ни мотора. Поставил парус, яхта бесшумно пошла... И ты вливаешься в природу, парус парит над тобой, как крыло птицы, а над ним — бескрайнее небо...

Все видишь, все чувствуешь — облака, волны, течения, изменения! Чувства — не передать!

ПЛОДЫ БЕСКОРЫСТНОЙ ЛЮБВИ

Мои первые серьезные соревнования... Как сейчас помню, было это в мае 1950 года. О них, этих соревнованиях, сохранилась у меня небольшая записка в «Советском спорте». Вот она: «Был сильный шквальный ветер. Яхтсмены московского клуба «Крылья Советов» первыми в столице открыли парусный сезон. Были проведены юношеские гонки. дуд сильный, шквальный ветер. Тем отраднее было видеть, как юноши, почти все впервые самостоятельно участвующие в гонках, справлялись с сильными порывами ветра, грозившими опрокинуть их маленькие суденышки.

Гонки состояли из двух полуфиналов и финала. В результате двухдневной борьбы победил школьник 7-го класса 346-й школы В. Козлов.

Что я тогда чувствовал? Кроме чувства природы, радости и азарта, я ничего не ощущал, забыл обо всем. Это уже позднее, много погнавшись, я понял, что в парусе интеллект, знание, воля превыше всего, в том числе и физической подготовки.

Если личность многогранна, имеет достаточный кругозор, воспитывает в себе высокие чувства, умеет глубоко, всем нутром своим воспринимать природу, только тогда придет успех. Очень сложный вид спорта. Если нет беззаветной любви к нему, ощущения свободы, воли, результат не придет.

Стоит только подумать: надо непременно выиграть, т.е. хоть толику корысти допустить, проигра-

ешь обязательно. А вот если выходить на дистанцию отрешенным от мыслей о каком бы то ни было благе, просто идти с наслаждением, результат получается как бы сам собой.

В начале 50-х годов меня так расхваливали, прямо-таки как восходящую звезду. И это, как я теперь понимаю, сильно влияло на мое самочувствие. Эмоции захлестывали меня.

С годами это прошло само собой. Разум возобладал.

Но сколько было сделано ошибок! Потом я понял: их не надо бояться. Без проб и ошибок, без тщательного анализа их не добиться результата.

ТЕХНИКУМ — С ОТЛИЧИЕМ!

Год за годом бежало время, и вот я закончил семилетку. Как строить жизнь дальше? Звoryкин посоветовал мне поступить в авиационный техникум. Это было тогда одно из самых лучших средних учебных заведений. Он и теперь не утратил своих позиций.

Пошел я сдавать экзамены и — увы! — на первом же провалился. По русскому языку получил двойку. Что и неудивительно, если вспомнить, какое у меня было детство. Все, к дальнейшим экзаменам меня не допускают. Что было делать?!

Но наш верный воспитатель Дмитрий Леонидович Звoryкин, конечно же, не оставляет меня в беде. Мы вместе едем в техникум. Он представляет меня за-

местителю директора и говорит: вот у нас спортсмен, подающий надежды, он такой хороший мальчик, способный, сирота. Говорит так убедительно, так заинтересованно, что дирекция идет нам навстречу, ставит условие: если все остальные экзамены сдам на четыре и пять, то меня примут.

И вы знаете, я сдал все экзамены на одни пятерки. Так-то вот. Отбраковывают учебные заведения учеников с самого первого их шага. А не берут во внимание, что трудности закаляют человека.

Техникум я окончил с отличием, за что получил билет на новогоднюю елку в Кремль. И сразу же без экзаменов поступил в Московский университет.

Вот почему мне и нравится идеология газеты «Первое сентября» и ее приложений. Основатель газеты, известный писатель Симон Львович Соловейчик как говорил: «Люди есть люди, и надо всех любить и всем давать возможность проявить себя, не мешать в этом».

В СБОРНОЙ КОМАНДЕ

Парусный спорт занимал в жизни все больше времени, все больше требовал сил. Одни сборы чего стоили. Кормили нас, надо сказать, на них отменно.

Я вошел в сборную страны в 1965 году, уже после университета. Первый год я преподавал в Химико-технологическом институте. Работа мне нравилась, но пришлось перейти на научную работу в университет, поскольку она давала большую свободу во времени.

Парус — это была вся моя жизнь! Но с другой стороны — именно спорт давал мне возможность учиться. Я стипендию какую-никакую получал, подкармливаться мог. А обслуживать с самого раннего детства привык себя сам.

Когда перешел на научную работу, передо мной тоже открылись неплохие перспективы. И иные говорили: зачем тебе этот парус? Но что я без него? Зарплата научного сотрудника была очень маленькой, к тому же у меня все еще сказывалось тяжелое детство — это вечное недоедание. Постоянно, чуть не поем, головная боль начинается.

И то, что я ушел в сборную команду, было для меня великим благом по тем временам. Я так психологически и даже физически отдохнул, отъелся, что потом уже мог и день не есть, и два. Силы полностью восстановились.

И тем не менее в отношении к парусному спорту у меня не было такой уж полной отрешенности. Как вот, например, у Валентина Манкина: он говорил, что ради паруса все готов бросить — если надо, всем пожертвовать.

Я же не считал, что парусный спорт — это магистральное направление моей жизни. Я думал одновременно и о физике. Работал, после сборной, в 4-м Главном медуправлении, создавал метрологическую службу. Очень хорошая там в то время была

обстановка. Я понял, что врач, медицина — высшая ступень человеческой деятельности.

ЯХТА ЯХТЕ РОЗНЬ

За все время, что я был в сборной, да и позднее, я гонялся исключительно на отечественных яхтах. Хотя известно, что все наши парусные знаменитости ходили только на импортных судах. А у меня материальная часть такова, что ходом я часто проигрывал. Бессмысленно так участвовать в крупных соревнованиях.

Помню, в 1959 году мы вместе с Александром Чучеловым, который потом был серебряным призером Олимпийских игр, мы выступали на первенстве мира. И местные газеты Копенгагена писали: русские с такой хорошей физической подготовкой гоняются на простынях. На простынях! Так они оценивали нашу материальную часть. Паруса были из плохой ткани.

Я хорошо помню, как берешь старт хорошо, а мимо тебя все уезжают, как от стоячего. Без всякой хитрости...

Меня звали в ЦК ВМФ, но я был предан своему обществу.

Нет, я патриот профсоюзов, сказал я тогда и остался в «Крыльях Советов». И как позже оказалось, тем самым я, по сути, ставил на себе крест как на спортсмене. Профсоюзы не могли дать мне классную матчасть. Все это было только в ВМФ. Я на все соревнования, даже будучи в сборной, выходил с никудышной матчастью. Иногда я робко говорил: «Вы дайте мне яхту хотя бы такую же, как у противника, чтоб ход у нас был одинаковый. И я вам гарантирую — одержу победу».

ЛАВИРОВКА УМА

НА ТРАССЕ

На этом фоне и прошли мои старты в сборной. Наиболее удачно я выступил на первенстве мира во Франции в 1966 году.

Ситуация была такая. Берем старт, и мимо тебя, как стоячего, уходят, уходят... их и не видеть. Но в чем и прелесть парусного спорта — одной только лавировкой, сложнейшим сочетанием ходов влево, вправо, игрой интеллекта можно добиться многого. И в последней гонке тогда я пришел первым.

Представьте себе: более 100 участников, все знаменитости...

Мне некоторые тогда говорили: это случайно. да нет же! Я как физик посмотрел перед стартом, какие течения, какой ветер, общая погодная ситуация и обстановка, какие силы действуют на шверт и на паруса. И так ситуацию психологически разыграл, чтобы не видели, что я от всех в сторону отрываюсь.

Я такой курс специально выбрал, быстрый, вдоль линии старта. Все — вперед, а я в противоположную сторону. «Куда он рванул? Чокнутый!» — недоумевали многие. Я метров на 200 в сторону ушел, а в момент старта взял новый курс и — пошел! В результате, несмотря на неважный ход моей яхты, к первому повороту я пришел, всех опередив с большим отрывом. Таким, что его хватило для победы в этой гонке.

А в конечном результате, как уже говорилось, я занял на чемпионате мира шестое место, опередив многих и многих именитых.

С ЗАЕМНОЙ МАЧТОЙ

«Неужели, — спрашивают меня иногда, — никогда душу не знобило, досада не брала: как хочется пройтись на классной яхте, показать, что ты можешь на самом деле?»

Нет, отвечаю я в таких случаях, не было такого. Ведь парусный спорт — это любовь моя, и если бы я стал досадовать, злиться, сожалеть, результатов вовсе бы не было никаких.

Вот, к примеру, как я стал чемпионом Союза. Мои соперники были поражены увиденным. В 1965 году приезжаем на соревнования — я ходил тогда на «Финне» — а у меня нет мачты. Это, надо сказать, сложнейшее сооружение на этом классе яхт — изгибы, формы... Дерево для такой мачты подбирают, как для скрипки.

Я подхожу к своему конкуренту, прошу: может, выручишь меня? «Вон, — говорит, — есть бракованная, кривая мачта, хочешь — бери».

А у меня другого выхода нет. Я взял и с этой бракованной мачтой стал чемпионом Союза. Тогда, в 1965 году я и знаменитого Манкина обошел.

На чемпионате страны 1966 году уже где-то в середине гонок я понял: плохо иду, нет у меня скорости. Надо что-то предпринять. Иначе я точно проиграю. Надо рисковать! Несмотря на сильнейший ветер, ставлю огромный парус. Смотрю — не отстаю от главных соперников. Это сразу дало мне уверенность: я обойду их. И действительно, я выиграл две гонки в этот день и стал чемпионом.

Гонка, словом, всегда была для меня творческой задачей, которую надо решить. И в парусном спорте знали мои неординарные ходы по трассе, неожиданные тактические задумки.

Я много поездил по миру. Гонялся во Франции, Италии, Англии, Дании, Финляндии. Много раз в ГДР, Болгарии. И всегда гонки — на лучших курортах этих стран. Истинно королевский вид спорта. Человек в нем расцветает.

КТО НЕ РИСКУЕТ...

Но и без риска дело не обходится. Подчас и смертельного риска в буквальном смысле слова. Помню, в одной из гонок Балтийского региона я поприветствовал знакомого спортсмена; только что вот он после финиша шел на яхте к причалу и не дошел — перевернулся и утонул. Очень сильный ветер был.

Да, все что угодно может случиться. Однажды на первенстве Москвы в одной из гонок я в сильнейший ветер перевертывался пять раз. А яхта, бывает, переворачивается мачтой ко дну, килем вверх. Я каждый раз ставил яхту и продолжал гонку. Ведь это большой физический труд — поставить яхту. Нужно нырнуть под воду, быстро сделать какие-то операции, завязать узлы внутри. На четвертый раз я даже захлебнулся и подумал: «Больше рисковать нельзя». Однако еще раз перевернулся и... пришел к финишу вторым. Значит, достаточно быстро справлялся со своими неприятностями, да и скорость у меня была хорошая.

На одной из Балтийских регат все семь гонок шли при штормовом ветре. Нагрузки на руки были такие, что у меня потом еще с полгода ныли суставы плечевого пояса.

Спасательные принадлежности первые годы были очень плохи или вообще их не было. Если «Финн» перевернется, его не поставишь. Это впоследствии стали делать воздушные отсеки, мешки. Для большей плавучести.

Моя яхта в одной из гонок перевернулась, не поставить. Я сидел все время в холодной воде Балтийского моря, очень долго. Хорошо еще, что одна моя приятельница по МГУ была в судейской коллегии.

Она видит — меня нет. Давай искать. Увидела с судейского корабля мою лодку.

Я совсем околел. Волна подходит, отрывает меня от яхты, тянет на дно. Я уже мысленно прощался с жизнью.

Мне с корабля кинули канат. И я должен был одной немеющей рукой (другой я за лодку держался, чтоб не утонуть) завязать нужный, достаточной прочности узел. А если бы я этого не умел? Погиб бы. Вот как важно в парусе назубок знать такелажное дело.

Втроем-вчетвером меня с трудом вытянули из воды, отогрели...

Нет, подобные случаи не отвращают от парусного дела. Напротив! Любого спросите.

ГИМН ПАРУСНОМУ СПОРТУ

Сколько бы лет ни занимался я парусным спортом, мой юношеский восторг от него, изменяясь, конечно, с возрастом, не проходил. Видите ли, у меня была еще моя любимая физика, что позволяло мне относиться к парусу легче, что ли, свободнее. Все тренеры знали это, понимали и имели ко мне особый подход. И, что греха таить, придерживали меня на вторых ролях. На мне ведь учились, это всем известно. Будников, Потапов, другие. Потапов — чемпион мира и до сих пор говорит, что я был для него примером. Без серьезного противника ведь не учишься, так что я был нужен, безусловно. И нужно было, чтоб я на плохой яхте ходил, чтоб не обыгрывал молодежь, не подрывал их уверенность в себе, а вытаскивал.

Это я понимал. Прежде всего я был все-таки физик, а уж потом яхтсмен. Потому-то, наверное, и сохранилось у меня, словно в юности, восторженное отношение к этому занятию. Помню, когда я работал в 4-м медицинском управлении, у меня была огромнейшая нагрузка. Каждый выходной приезжал в яхт-клуб за- мертво. И за два выходных дня восстанавливался полностью.

От скольких болезней спас- ли природа, парус. Как многому научили. Я вот, будучи уже немолодым человеком, самостоятельно, один построил дом на садовом участке. Да разве бы я смог это сделать, если бы не знал всех этих соединений, узлов, блоков, не владел столярным делом и прочее, и прочее?

И сколько живу — буду петь гимн парусному спорту. В других видах много значат природные данные человека — сила, ловкость... А гонки на яхтах — сплошная игра интеллекта и природы. Почувствовать природу, учитывать все эти отливы, приливы, течения, ветры, уметь правильно рассчитать скорость, усилия, ходы, угадать ход противника... Нужен огромный объем знаний, нужно постоянное воспитание чувств. Чем многограннее человек, тем больших успехов он может добиться в парусном спорте, тем больше нравственно, духовно, физически от него получишь. ■